

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 1

ФАРФОРОВЫЙ ГОЛОД



Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Фарфоровый голод

<https://litres.ru/74018951>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ленинград, декабрь 1941 года. Город скован блокадой, люди умирают от голода, а в Павильонном зале Эрмитажа находят тело оценщика фарфора. Лейтенант НКВД Алексей Ухтомский получает приказ «закрыть дело».

Но, рискуя карьерой и жизнью, он продолжает расследование и обнаруживает загадочное исчезновение императорских сервизов из музейных фондов. Кто-то меняет национальное достояние на хлеб и золото, пока город умирает.

Ухтомскому предстоит найти убийцу, раскрыть тайну пропавшего фарфора и сделать это раньше, чем самого его найдут с таким же клеймом.

Содержание

Пролог. «Павильонный зал, 3 часа ночи»	4
ЧАСТЬ I. «СПИСОК»	12
Глава 1. «Тело на Мойке»	12
Глава 2. «Заведующая фарфором»	19
Глава 3. «Пьяный смотритель»	25
Глава 4. «Переход через Неву»	31
Глава 5. «Дневник вдовы»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мурат Карадениз

Фарфоровый голод

Пролог. «Павильонный зал, 3 часа ночи»

Время: 5 декабря 1941 года, 03:00

Место: Ленинград, Эрмитаж, Павильонный зал

Блокада | Алексей Ухтомский

Лучик фонаря дрожал на позолоте.

Алексей Ухтомский шёл по Павильонному залу, стараясь не смотреть по сторонам. В темноте Эрмитаж казался чужим — не музеем, а гигантским склепом. Колонны из искусственного мрамора терялись во тьме под потолком, люстры висели мёртвым грузом, и только снег за окнами давал слабый белый свет.

Двадцать градусов мороза. Может, двадцать пять. За сорок дней блокады Алексей научился не замечать холода. Мешало другое — запахи. Пыль, известка, пот, и где-то под всем этим — сладковатая вонь, которую он уже знал по Литейному и Бадаевским складам. Трупный запах.

Он выключил фонарь и замер.

В темноте под куполом слабо белели статуи. Правая рука сжимала наган в кармане шинели. Левая — снова щёлкнула кнопкой. Луч метнулся по паркету, скользнул по стульям красного дерева, малахитовым вазам, стеклянной горке с безделушками. И остановился.

Часы «Павлин».

Гигантская клетка из бронзы и хрусталя возвышалась в центре зала. Металлические ветви тянулись к потолку. Белки застыли на прутьях, сова наклонила голову, павлин распустил хвост.

Алексей подошёл ближе.

Луч выхватил из темноты сначала ботинок. Потом ногу в тёмных брюках. Потом руку, неестественно отброшенную в сторону.

Он обошёл тело.

Михаил Кедрин лежал навзничь, глядя в потолок невидящими глазами. Ему было под пятьдесят. При жизни — старший оценщик отдела фарфора, крупный мужчина с сединой в усах. Сейчас — просто тушка в застывшей луже.

Лужа была тёмной, почти чёрной. Нашатырь, подумал Алексей. Или уже замёрзла.

Он опустился на корточки, не выключая фонарь. Второй рукой проверил пульс на шее. Холодное, иссохшее. Мёртв уже часов шесть, не меньше.

Но не холод убил.

Луч уткнулся в тёмную полосу поперёк гортани. Рана бы-

ла круглой, глубокой, с подпаленными краями. Глаза у Кедрина остались открытыми, рот слегка приоткрыт, язык на месте — не вырезан, как у того антиквара на Фонтанке две недели назад.

Другая работа.

Алексей потянул воротник кителя вниз.

Под ключицей, на границе рубашки и заиндевевшей кожи, кто-то оставил знак. Раскалённым металлом или острым штампом. Ожог имел форму меча — короткий крест, лезвие вверх, рукоять с двумя выступами.

Не тавро. Не клеймо. Что-то среднее.

Издательство.

Он выпрямился, потирая затёкшие пальцы. Дышать стало тяжелей — не от трупа, от общей слабости, которая уже вошла в привычку. Сто двадцать граммов хлеба в день, миска баланды, иногда ложка сахара. Этого хватало только чтобы не умереть.

Мысли работали медленно, но верно.

Кедрина убили не за фарфор. И не за списки, которые тот вёл. Скорее всего, убили за то, что он эти списки показывал не тем. Алексей видел дневник покойного два дня назад — аккуратные записи о «сервизе № 4», «немецком коллекционере», «встрече в Смольном». Обычная канцелярщина, каких в осаждённом городе десятки. Чиновники воруют еду. Военные продают патроны. Музейщики сбывают иконы и вазы.

Но меч на шее — это сообщение.

И не кому-нибудь, а именно ему, Алексею Ухтомскому, лейтенанту госбезопасности, прикомандированному к Эрмитажу для «контроля за сохранностью фондов».

Меч он уже видел на клеймах поддельного фарфора 1910-х годов, который всплыл на чёрном рынке неделю назад.

— Идиот, — сказал он мёртвому Кедрину. — Зачем полез?

Тишина не ответила.

Алексей поднял фонарь выше и осветил часы.

И тут что-то щёлкнуло.

Металлический звук — сухой, короткий, как удар косточкой по стеклу.

Он замер.

Наверху, в полутьме, павлин качнул хвостом и медленно, со скрежетом, повернул голову. Металлическое крыло приподнялось, опустилось. Снова щелчок, теперь громче, из механизма внутри клетки.

Алексей выхватил наган.

Рука дрожала, но не от страха. От голода, от недосыпа, от постоянного напряжения последних недель.

Никакой магии, сказал он себе. Сквозняк. Взломанная система часов. Крыса.

Он сделал шаг назад, не сводя ствола с павлина.

Шестерёнки внутри клетки продолжали вращаться — медленно, с хрустом, словно их не смазывали десятилетия-

ми. Павлин закрыл клюв, поднял хвост, и в темноте, с металлическим вздохом, пробили часы.

Три удара.

Три часа ночи.

Алексей опустил наган.

Павлин затих. Снова тишина, и только ветер гудел в разбитое окно за колонной. Окно было настезь, рама выбита взрывной волной ещё в сентябре. Лёд на подоконнике, занавески превратились в обрывки, пол у окна — в сугроб.

Сквозняк, конечно. Порыв воздуха задел металлические пластины павлиньего крыла, запустил заевший механизм. Никаких чудес.

Он уже убрал оружие, когда в дверях комнаты охраны слышались торопливые шаги. Дежурный, молодой парень с испуганными глазами, замер на пороге.

— Товарищ лейтенант, — выпалил он, — срочный вызов. Вас просят к телефону.

Алексей вышел в комнату охраны, снял трубку полевого аппарата, стоявшего на столе. В трубке хрипело — линия работала с перебоями, но голос дежурного по отделу проби- вался отчётливо.

— Ухтомский.

— Там у вас готово?

— Труп, — коротко ответил Алексей. — Кедрин, оценщик. Рана на шее, кровь замёрзла. Ещё знак.

— Какой знак?

— Меч. На ключице.

Пауза. Дежурный что-то писал — слышен был скрип пера.

— Тогда у нас для вас новость, — сказал он наконец. —

Вам надо на Мойку.

— Что на Мойке?

— Гольдштейн. Антиквар. Его дворник нашёл на лестнице полчаса назад. Убит.

Алексей закрыл глаза.

Гольдштейн — тот самый старый знакомый Кедрина, с которым они вместе работали в двадцать втором. Вместе вскрывали особняки, вместе составляли описи, вместе, возможно, прятали вещи от реквизиции.

— Кто сделал?

— Сказали — язык вырезан.

— Значит, не тот же, — Алексей снова взглянул на ожог-меч на теле Кедрина. — Здесь аккуратно. Гольдштейн — это почерк другой.

— Вам видней. Машина ждёт у входа.

— Иду.

Он положил трубку, поправил ремень с кобурой. На прощание ещё раз осветил часы «Павлин». Павлин стоял неподвижно, хвост опущен, крылья сложены.

Щёлкнет ещё? — подумал Алексей.

Но механизм молчал.

Он направился к выходу, минуя статуи, витрины, залы.

В соседнем зале, проходя мимо огромной вазы времен

Екатерины, остановился. Зачем-то дотронулся до неё пальцем. Малахит был ледяным.

Даже камни здесь мёрзнут, подумал он.

Голос в ушах всё ещё звучал: «Язык вырезан».

Гольдштейна убили за болтовню. А Кедрина — за то, что знал больше, чем надо. Две смерти, две руки. И общее — список. Тот самый список №4, который Кедрин носил с собой и который исчез из его кармана.

Кто успел?

Алексей вышел на лестницу. Света не было — только тусклое дежурное освещение у поста охраны.

Ступени звенели от мороза. Перила были обмотаны тряпьем, но пальцы всё равно прилипали к металлу.

Внизу ждала полуторка с потухшими фарами. Шофёр дремал за рулём, накрывшись тулупом.

— Мойка, — бросил Алексей, забираясь в кабину. — К Гольдштейну.

Машина чихнула, завелась. Снег полетел из-под колёс.

Он достал дневник Кедрина, перелистнул страницы при свете заводского фонаря, который дежурный сунул в кабину. Последние записи — ничего особенного. Опись сервизов, список ящиков, количество ваз.

Но между страницами была закладка. Не бумажная — нитка.

Алексей раскрыл дневник на нужном месте.

Одна фраза, написанная мелким, почти шифрованным

почерком:

«Забелина знает. Спросить у Гольдштейна, помнит ли он клеймо 1915 года. Меч есть меч».

Алексей захлопнул дневник.

— Гони быстрее, — сказал шофёру.

Полуторка вылетела на Невский. Справа проплывал тёмный Гостиный двор, слева — руины, сугробы, редкие фигуры людей, закутанных в тряпье.

Впереди, у Мойки, мигали ещё два фонаря — у машины «Скорой помощи».

Второй труп этой ночи ждал.

Алексей сунул наган в карман и открыл дверцу. Мороз ударил в лицо.

Скоро рассвет.

Пятое декабря. Сорок первый год.

Им придётся заплатить, подумал он. И не хлебом.

ЧАСТЬ I. «СПИСОК»

Глава 1. «Тело на Мойке»

Время: 6 декабря 1941 года, 09:00

Место: Ленинград, Мойка, квартира антиквара Гольдштейна

Блокада | Алексей Ухтомский

Дворник стоял в дверях, переминаясь с ноги на ногу. Старый, лет шестидесяти, в ватнике, подпоясанном верёвкой. Шапка-ушанка съехала набекрень, нос красный, глаза слезятся — то ли от мороза, то ли от страха.

— Я его и нашёл, товарищ лейтенант, — голос у дворника был сиплым, почти беззвучным. — Вышел снег убирать, а он лежит. На площадке между вторым и третьим.

— Трогали? — спросил Алексей, перешагивая через порог.

— Ни боже мой. Я сразу в домком. А домком — к вам. Алексей кивнул и вошёл.

Подъезд был старым, ещё дореволюционным. Штукатурка на стенах осыпалась, лепнина на потолке висела клочьями. Пахло мочой, кислой капустой и ещё чем-то сладковатым — тем же запахом, что и в Эрмитаже, только здесь он

был моложе, свежее.

Кровь ещё не замёрзла.

Он поднялся на второй этаж. Труп лежал ничком, вытянув руки вдоль тела. Человек был в хорошем пальто — довенном, из верблюжьей шерсти. Ботинки немецкие, трофейные. На левой руке — золотые часы «Павел Буре», циферблат разбит.

Алексей перевернул тело.

Соломон Гольдштейн — Алексей знал его по фотографиям из архива — был маленьким, сухоньким стариком с бородкой клинышком и цепкими глазами. Сейчас глаза были закрыты, лицо серое, как зола.

Зато рот открыт.

Вместо языка — тёмная, запёкшаяся полость.

Алексей наклонился ниже. Края раны были неровными, рваными. Резали не хирургическим скальпелем — может, обычным ножом. Или осколком стекла. Крови было много — она залила воротник рубашки, пиджак, паркет вокруг.

— Кто живёт в доме? — спросил Алексей, не оборачиваясь.

Дворник стоял на лестнице на полпролёта ниже, не решаясь подняться.

— На первом — семья Соболевых, двое детей. На втором — сам Гольдштейн. На третьем — коммуналка, восемь человек. Четвёртый пустует, хозяин в эвакуации.

— Кто ночью слышал что-нибудь?

— Никто не слышал. Или не говорят.

Алексей выпрямился. Пальцы занемели — он забыл перчатки в машине. Сунул руки в карманы шинели, постоял минуту, разглядывая труп.

Гольдштейна убили не здесь. Слишком мало крови для того, чтобы истечь на месте. Принесли уже готовым, бросили на лестнице. Может, с третьего этажа. Может, с четвёртого.

— Ключи от квартиры есть? — спросил Алексей.

Дворник закивал, полез в карман ватника, вытащил связку на бечёвке.

— Домком дала. Сказала — вы будете.

Алексей взял ключи, подошёл к двери напротив лестницы. Дубовая, массивная, с латунной ручкой в виде львиной головы. Замок старый, английский — открылся со скрежетом.

За дверью было темно.

Луч фонаря выхватил прихожую: вешалка, зонт, галоши. Дальше — коридор, заставленный книжными шкафами. Пахло пылью, старыми обоями и нафталином.

Алексей прошёл в гостиную.

Квартира Гольдштейна была музеем в миниатюре. Стены завешаны картинами — не первосортными, но хорошими. Айвазовский, Боголюбов, пара небольших голландцев. Сервант ломился от фарфора: тарелки, чашки, вазы, статуэтки. На столе — бронзовый письменный прибор с чернильницей в виде грифона.

— Хорошо жил антиквар, — пробормотал Алексей.

Но разграблено не было. Ничего не опрокинуто, не сломано. Убийца забирал что-то одно, и делал это аккуратно.

Алексей подошёл к письменному столу. Верхний ящик открыт, внутри пусто. На ковре перед столом валяется клочок бумаги — обрывок письма.

Он поднял его.

Бумага старая, довоенная, с водяными знаками. Текст типографский, какая-то накладная. В углу — дата: «15 ноября 1941 г.» — три недели назад.

И подпись. Чья-то, неразборчивая.

Второй листок, прибитый ветром к ножке стула, был написан от руки.

Алексей прочитал:

«Соломон, будь осторожен. Он за тобой придёт. Я видел список».

Почерк был ему знаком.

Кедрин.

Кедрин предупреждал Гольдштейна за двадцать дней до собственной смерти.

Алексей сунул бумагу в карман. Присел на корточки, осветил пол под столом.

Там, в пыли, лежала маленькая фарфоровая тарелка. Расколотая пополам. С вензелем Екатерины II — и с клеймом

в виде меча.

То же самое клеймо, что на шее Кедрина.

Он осторожно поднял осколки. Фарфор был холодным, скользким. На одном из кусков сохранилась часть вензеля — буква «Е» под короной. На другом — край меча.

Тарелка была частью сервиза, который Кедрин описывал в своём дневнике. «Список №4». Тот самый, который пропал из кармана убитого.

Значит, Гольдштейн успел получить тарелку от Кедрина. Или нашёл её сам. Но зачем держать осколки под столом?

Алексей завернул их в носовой платок, положил во внутренний карман шинели.

В прихожей послышались шаги. Дворник не решился войти, топтался у порога.

— Товарищ лейтенант, там пришли.

— Кто?

— Из Смольного. Сказали — срочно.

Алексей вышел в прихожую.

На лестнице стоял молодой капитан госбезопасности, которого Алексей никогда раньше не видел. Капитан был гладко выбрит, сыт — редкость для декабря сорок первого, — и смотрел с холодным превосходством.

— Ухтомский?

— Я.

— Вас просят оставить это дело. Передаётся мне.

Алексей медленно, не торопясь, застегнул шинель.

— Кем просят?

Капитан вытащил из кармана сложенную бумагу с печатью. Алексей взял, прочитал.

Приказ за подписью начальника Управления: «Дело об убийстве Гольдштейна и Кедрина изъять у лейтенанта Ухтомского, передать капитану Волкову. Ухтомскому — сосредоточиться на проверке маршрутов эвакуации».

— Поздравляю, — Алексей вернул бумагу. — Дело ваше.

Капитан усмехнулся.

— А вы не расстроены, лейтенант?

— Я знаю, что вы не найдёте убийцу. Потому что он сидит там, откуда пришёл этот приказ.

Капитан перестал улыбаться.

— Вы переходите границы.

— Я перехожу границы с хлебом и золотом. А вы оставайтесь здесь, ищите в стоге иголку.

Алексей развернулся и пошёл вниз по лестнице, не оглядываясь.

На улице его тошнило. От голода, от бешенства, от собственного бессилия. Снег валил стеной, видимости не было. Машина уже уехала — шофёр не стал ждать.

Придётся идти пешком.

Он сунул руки в карманы и пошагал по Мойке в сторону Невского. В кармане лежали осколки фарфора, в памяти — дневник Кедрина.

Дело не закрыто. Через день, через месяц. Но он сядет за

НЕГО СНОВА.

Глава 2. «Заведующая фарфором»

Время: 6 декабря 1941 года, 14:00

Место: Ленинград, Эрмитаж, отдел фарфора

Блокада | Алексей Ухтомский

Отдел фарфора размещался в бывшей гардеробной на третьем этаже. В мирное время здесь висели шубы и вечерние платья посетителей. Теперь — стеллажи с вазами, тарелками, статуэтками, завёрнутыми в газеты и тряпьё.

Холодно было так же, как и в Павильонном зале. Только здесь не пахло смертью. Пахло нафталином, старыми стружками и махоркой.

Елена Владимировна Забелина сидела за столом, накрытым клеёнкой, и перебирала карточки. Услышав шаги, подняла голову. Ей было за сорок — высокая, худая, с острым носом и гладко зачёсанными в узел волосами. Поверх тёплого платья — мужской пиджак, на плечи накинут шерстяной платок.

Лицо спокойное. Но пальцы дрожали.

— Лейтенант Ухтомский, — Алексей присел на край табуретки напротив, не дожидаясь приглашения. — Вы знаете, зачем я пришёл.

Забелина опустила карточки.

— Кедрин. Да, я слышала. Ужасно.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Вчера. Днём. Он заходил за описями восемнадцатого века. Мы разговаривали минут пять.

— О чём?

Забелина пожала плечами. Жест получился резким, нервным.

— О работе. Какие сервизы в какой ящик упакованы. Какие остались в залах. Обычные дела.

— Вы знали его давно?

— Лет десять. Он пришёл в Эрмитаж в тридцать первом.

— А до войны? Вы встречались вне работы?

Забелина чуть заметно побледнела.

— Иногда. На конференциях, выставках. Мы были коллегами, лейтенант, не более.

Алексей достал из кармана дневник Кедрина, раскрыл на странице с закладкой. Протянул Забелиной.

— Это вы видели?

Она взяла дневник, пробежала глазами. Выражение лица не изменилось, но пальцы, державшие бумагу, напряглись. Белые пятна на сгибах.

— Что это?

— Фраза. «Забелина знает. Спросить у Гольдштейна, помнит ли он клеймо 1915 года. Меч есть меч». Что знает Забелина?

Она положила дневник на стол. Отодвинула от себя, будто бумага была заразной.

— Понятия не имею.

— Кедрин не писал бы это просто так. Вы что-то знали. Оклейте. О мече. Или о Гольдштейне.

— Я ничего не знаю ни о каком мече. Кедрин был... мнительным. В последнее время он всем подозревал. Думал, что ценности воруют, что списки подделывают.

— А вы так не думали?

Забелина посмотрела ему прямо в глаза. Спокойно, почти с вызовом.

— Я думала, что нас всех расстреляют, если мы не спасём коллекцию. И думала, как упаковать три тысячи предметов за две недели. А не о том, кто и что ворует.

— Кто-то воровал, Елена Владимировна. И Кедрин об этом знал. Его убили.

— Я слышала.

— Где вы были прошлой ночью?

Забелина замерла.

— Дома. В своей комнате в коммуналке.

— Кто может подтвердить?

— Соседи. Если они вообще помнят, какая сегодня ночь.

Не до меня им. У них дети умирают от голода.

— И у вас, — тихо сказал Алексей.

Она не ответила. Только стиснула пальцы на краю стола.

— Расскажите о Гольдштейне, — сменил тему Алексей.

— Вы знали его?

— Давно. Ещё с двадцатых. Он был... коллекционером.

Помогал музею. Он и Кедрин дружили.

— Дружили?

— Кедрин часто заходил к нему. Это не секрет. Гольдштейн знал рынок, знал цены. Кедрин советовался с ним по атрибуциям.

— А про клеймо меча они тоже советовались?

Забелина не ответила.

Алексей выждал минуту.

— Я видел квартиру Гольдштейна. Там не всё в порядке. Кто-то искал что-то в его столе. И нашёл.

— Я не была там, — быстро сказала она.

— Я не говорю, что были. Но вы знаете, что искать. Скажите прямо, Забелина. Если вы не убивали — помогите найти того, кто убил. Кедрин был вашим коллегой.

Она молчала долго. Смотрела в окно, за которым висела серая пелена снега. Потом сказала, почти шёпотом:

— Клеймо меча. Это знак подделок. Старых, ещё дореволюционных. Банда фарфористов работала в Петрограде в пятнадцатом году. Делали копии императорских сервизов для вывоза за границу. Клеймо ставили — меч. Свой знак.

— Вы знали об этом?

— Я училась у старых мастеров. Они рассказывали. Один из них, Куколь, был главарём. Бежал за границу после ареста. А его подельники остались. Некоторые работали здесь, в Эрмитаже. Потом, при советской власти, их уволили. Или посадили.

— Кто-то из них жив?

— Не знаю. Но в сорок первом, перед самой войной, Кедрин нашёл в архиве дело Куколя. И заинтересовался. Сказал мне — «смотри, какие тарелки, какие клейма». Я тогда не придала значения.

— А теперь?

— Теперь его убили. И Гольдштейна убили. Потому что они нашли то, что искали. Или того, кто искал.

— Кто, Забелина?

Она покачала головой.

— Не знаю. Но Кедрин боялся. Не меня. Своего начальства. Он говорил — «в Смольном крот». Немецкий шпион. Кто-то из тех, кто эвакуацией руководит.

Алексей положил дневник в карман.

— Вы сообщите мне, если вспомните что-то ещё.

Забелина кивнула. Пальцы её всё ещё дрожали.

Алексей поднялся, направился к двери. У порога обернулся.

— И ещё, Елена Владимировна. Не уезжайте никуда. Мы ещё поговорим.

— Я никуда не уеду, — тихо сказала она. — Куда уезжать? Война вокруг.

Он вышел в коридор. Сзади послышался всхлип — сдержанный, быстрый. Женщина плакала в пустом кабинете.

Алексей не обернулся.

Он знал: из тех, кто плачет, не всегда невиновны. Иногда

они плачут от страха разоблачения.

Забелина что-то скрывала.

Оставалось узнать — что именно.

Глава 3. «Пьяный зритель»

Время: 6 декабря 1941 года, 16:00

Место: Ленинград, Эрмитаж, комната зрителей

Блокада | Алексей Ухтомский

Комната зрителей находилась в подвальном этаже, рядом с бывшей дворцовой прачечной. Сюда не доходило отопление даже в мирное время. Сейчас здесь было холодно, как в мясной ледяной камере. С потолка свисала голая лампочка без абажура, жёлтый свет дрожал от сквозняка.

Пахло перегаром, мокрой шинелью и застарелым потом.

Пётр Ветров сидел на табурете у стены, ссутулившись, положив руки на колени. Ему было под шестьдесят — обрюзгшее лицо, красный нос, мутные глаза. Раньше, наверное, выглядел лучше. Война и блокада не пощадили никого, но Ветрова она превратила в амфору, которую уже не склеить.

Перед ним на полу стояла кружка. Оттуда тянуло самогоном.

— Пётр Иванович, — Алексей сел напротив, на перевернутый ящик. — Поговорить надо.

Ветров поднял на него мутные глаза.

— А чего говорить? Я ничего не видел. Сказал уже.

— Повторите.

— Темно было. Я шёл по второму этажу, проверял окна.

Слышу — в Павильонном кто-то ходит. Я подошёл к дверям, заглянул. Тень. Одна тень. Большая, чёрная. Потом она ушла на лестницу.

— Вы не пошли за ней?

Ветров усмехнулся, обнажив жёлтые зубы.

— Я что, дурак? У меня винтовки нет. Патронов нет. Если бы я полез — меня бы тоже убили.

— Вы узнали бы её в лицо, если б увидели?

— Не знаю. В темноте все кошки серы.

— А голос? Он что-нибудь говорил?

Ветров покачал головой. Налил себе из кружки, выпил одним глотком. Не поморщился.

— Молчал. Как рыба. Только шаги. И потом — хлопнула дверь на лестницу.

— Куда именно?

— На чёрную лестницу. Та, что во двор ведёт.

Алексей задумался. Чёрная лестница Эрмитажа соединяла подвалы с чердаками через запасные выходы. Идеальный путь для того, кто не хотел светиться перед охраной.

— Кто ещё был в здании прошлой ночью?

Ветров пожал плечами.

— Охрана — я, Шапкин и Королёв. Шапкин на первом этаже был, у служебного входа. Королёв на чердаке дрых. Больше никого.

— Вы проверили, кто был на постах в три часа ночи?

— А зачем? Я и так знаю — все на местах. Или спят.

— Или впустили убийцу, — спокойно сказал Алексей. — Кто мог открыть дверь с улицы?

Ветров замер. Кружка застыла в руке.

— Вы на что намекаете, лейтенант?

— На то, что Кедрина убили не привидения. В Эрмитаж нужно войти. Для этого нужен ключ. Или тот, кто откроет дверь.

— Я не открывал, — быстро сказал Ветров. — Я был на своём посту. На втором этаже. Оттуда до служебного входа — полкилометра.

— А Шапкин?

— Шапкин... Шапкин мог. Если б ему заплатили.

— Кто бы заплатил Шапкину? У нас в городе платят хлебом. Или золотом.

Ветров снова налил себе. Руки тряслись сильнее. Выпил, крякнул.

— Слушайте, лейтенант. Я неделю не ел ничего, кроме баланды. Я не знаю, кто убил Кедрина. И знать не хочу. Мне бы до весны дожить.

— Где вы взяли самогон?

— Нашёл. В подвале. Там до войны хранили запасы для ресторана. Пять ящичков.

— И вы молчали?

— А кому надо? Всё равно всё разграбят или немцы разбомбят. Я лучше сам выпью.

Алексей вытащил из кармана дневник Кедрина, раскрыл

на последней странице.

— Кедрин писал о вас. «Ветров много знает. Надо с ним поговорить». Что вы знали, Пётр Иванович?

Старый смотритель побледнел. Даже красный нос стал серым.

— Ничего я не знал. Он просто... приходил, спрашивал. Кто ходит по ночам. Кто приходит в выходные. Я говорил — никто.

— Но кто-то всё-таки ходил.

Ветров молчал.

— Я найду этого человека с вами или без вас, — сказал Алексей. — Но если вы поможете — я замолвлю словечко. Дополнительный паёк. Или буханку хлеба.

Старик поднял на него глаза. В них мелькнуло что-то, похожее на надежду.

— Дополнительный паёк?

— Слово офицера.

Ветров потер лицо грязными пальцами. Посидел, сцепив руки. Потом заговорил — медленно, с запинками, будто вытаскивал из себя каждое слово пинцетом.

— Шапкин. Он... он дружит с одним человеком из Смольного. Я видел их однажды — вместе во дворе курили. Шапкин называл его «Волков». Капитан. Молодой, гладкий, сытый.

Алексей внутренне напрягся.

— Капитан Волков?

— Не знаю фамилию. Может, он. Шапкин говорил — «Волков поможет с хлебом. Главное — впустить его людей, когда надо». Я тогда не понял, что это значит.

— А теперь поняли?

Ветров посмотрел на дверь, на окно, на лампочку. Будто боялся, что их подслушивают.

— В ночь убийства Кедрина Шапкин дежурил у служебного входа. Он мог открыть дверь. А после — сказал мне: «Пётр, ничего не видел. Молчи. И будешь жив».

— И вы молчали.

— А что мне было делать? Идти в НКВД? Думаете, вы первый, кто пришёл? Вчера днём приходил начпродсклада из Смольного. Велел молчать. Сказал — «дело не ваше, смотритель. Занимайтесь печками».

— Как его звали?

— Не представился. Но форма — как у вас. Лейтенант? Только старше.

Алексей запомнил деталь: лейтенант из Смольного, непредставившийся, опередил его ровно на сутки.

— Где Шапкин сейчас?

— Дома. У него сегодня выходной.

— Адрес.

Ветров продиктовал. Коммуналка на Лиговском, комната в конце коридора.

Алексей поднялся. Посмотрел на полную кружку, которую Ветров спрятал под стул.

— Дополнительный паёк я пришлю. Если Шапкин подтвердит ваши слова.

— Подтвердит, — горько усмехнулся Ветров. — Только вы его не найдёте. Он умеет прятаться. Он всю жизнь прячется.

Алексей направился к двери. На пороге обернулся.

— Пётр Иванович. Та тень, которую вы видели. Вы уверены, что это был мужчина?

Ветров задумался. Потёр щетину.

— Рост... выше среднего. Плечи широкие. Шагов не слышал — сапоги, наверное, мягкие. Но вообще... могла быть и женщина. В шинели не разберёшь.

— Женщина?

— В Эрмитаже много женщин работает, лейтенант. У нас и наукой заведуют женщины, и экспозицией. И подметают, и моют. Почему бы и убить не женщине?

Алексей кивнул, ничего не сказал. Вспомнил Забелину — худую, с дрожащими пальцами. Могла ли она? Могла. Все могли. В блокаду люди превращаются в зверей.

Он закрыл за собой дверь.

В подвале снова запахло перегаром и страхом.

Глава 4. «Переход через Неву»

Время: 6 декабря 1941 года, 17:30

Место: Ленинград, от Эрмитажа до Васильевского острова

Блокада | Алексей Ухтомский

Алексей вышел из Эрмитажа в сумерки.

Света уже не было — ни уличного, ни оконного. Город лежал во тьме, только кое-где мелькали синие лампочки на медицинских машинах да белые пятна фонарей у штабов. Снег падал крупными хлопьями, ложился на плечи, на шапку, на ремень с кобурой.

Мороз усилился. Градусов двадцать пять, а может, все тридцать. Дышалось тяжело — воздух обжигал горло, ноздри слипались, ресницы превращались в сосульки.

Алексей зашагал к Неве.

Машины не было — шофёра он отпустил ещё после визита к Гольдштейну. Полуторка нужна была для других дел, для подвоза хлеба раненым. А он и пешком дойдёт. Раньше, до войны, он часто ходил по этому маршруту: от Зимнего через Дворцовый мост на Василеостровскую стрелку, потом мимо биржи и Академии художеств в глубь острова.

Теперь всё выглядело иначе.

Дворцовый мост стоял разведённым. Сентябрьская бом-

бёжка перебила механизмы, и понтонной переправы здесь не было. Пришлось идти по льду.

Нева замёрзла. Чёрный лёд, кое-где припорошенный снегом. Под ногами глухо ухал — то ли трескался, то ли просто отдавалось эхо от пустоты под водой. Где-то в середине реки торчали изо льда мачты затопленной баржи. В сорок первом много барж затонуло — с зерном, с углём, с боеприпасами. Теперь они стояли как кладбищенские кресты.

На том берегу, у Академии художеств, горел костёр. Люди грелись вокруг него — человек пять, закутанные в одеяла и пальто. Кто-то сидел, кто-то стоял, протянув руки к огню. У одного из них в руках была миска с баландой — пар поднимался в морозном воздухе.

Алексей обошёл костёр стороной. Не хотел привлекать внимания — форма НКВД вызывала или страх, или ненависть. И то, и другое было опасно.

Свернул на Первую линию.

Дома здесь ещё держались. Не разрушенные, но мёртвые — окна заколочены фанерой, двери забиты досками. Кое-где виднелись надписи мелом: «В этой квартире есть печь. Жильцы — семья Ивановых. Вход со двора». Надписи нацарапаны ножом на дверных косяках — «Вторая комната свободна. Заселяйтесь, кто жив».

Пахло здесь по-особенному. Не гарью и не тлением, а столоярным клеем — дешёвой баландой для голодных. В столовых варили из него студни, выдавая за бульон. Пахло им от

каждого прохожего, от каждой двери, от каждого дома.

Тошнотворно-сладкий запах варёной кости и столярного клея стал символом этой зимы.

Алексей зажал нос и ускорил шаг.

На углу Третьей линии стояла очередь.

Человек сорок, а то и пятьдесят. Молчаливые, закутанные в тряпье, с котомками и сумками. В руках — талоны на хлеб. Хлеб привезут к восьми вечера, но люди стояли уже сейчас. Если не встать с утра — не получишь. Растащат.

Алексей посмотрел на их лица. Серые, безжизненные, с свалившимися глазами. Дети — отдельно, прижавшись к матерям. Старики — отдельно, опираясь друг на друга. У одного из них была карточка истопника — это полторы буханки, элита.

Никто не говорил. Экономили силы.

Вдруг вдалеке завывла сирена.

Люди не шелохнулись.

В начале декабря ленинградцы уже не бежали в бомбоубежища. Не было сил. Не было смысла — бомбёжки шли каждый день. Если твой дом не разбомбили в сентябре, разбомбят в декабре. Или в январе. Или уже не разбомбят — умрёшь от голода раньше.

Сирена замолкла. Где-то на юге слышались хлопки — зенитки били по немецким самолётам. Потом далеко, за Невой, бахнуло — упала бомба. То ли на Выборгскую сторону, то ли на Литейный.

Очередь не дрогнула.

Алексей пересёк Средний проспект и вышел к дому вдовы.

Дом был старый, ещё петровских времён. Чёрный от копоти, с облупившейся штукатуркой. Во дворе — груда мусора, битое стекло, старая мебель, которую вынесли дровами. Посередине двора — чугунная статуя льва, засыпанная снегом по самую гриву.

Дверь подъезда была открыта настежь — замок сбит, петли вырваны. Внутри — темно, как в погребке.

Алексей достал фонарь, включил. Свет упал на стены, исписанные углём: «Здесь был Ваня», «Умер 15 ноября», «Кто найдёт это — сообщите в 28-ю поликлинику о смерти П. И. Львова».

Он поднялся на третий этаж.

Квартира вдовы — последняя дверь в конце коридора. На двери висела бумажка: «Кедрина. Хлеб получаю здесь же».

Он постучал.

Тишина.

Постучал снова, сильнее.

За дверью послышался шаркающий шаг. Скрипнул замок. Щёлкнула цепочка.

Дверь открылась на ладонь.

В щели показалось лицо женщины — лет сорока, бледное, исхудалое, с чёрными кругами под глазами. Волосы нечёсанные, платье грязное.

— Вам кого?

— Лейтенант Ухтомский. Я из НКВД. Мне нужно поговорить с вами о муже.

Женщина помолчала. Потом сняла цепочку и открыла дверь.

— Заходите. Только разуйтесь, пожалуйста. Паркет у нас. Алексей зашёл.

Квартира была большой — три комнаты с высокими потолками, лепнина на стенах, печи из изразцов. Но всё выглядело запущенным, полуживым. Мебель стояла кое-как, на окнах — не шторы, а одеяла. В углу — детская кроватка с кучей тряпья вместо матраса.

— Детей нет? — спросил Алексей.

— Умерли. В октябре. Оба, — женщина села на стул, сложила руки на коленях. — Меня зовут Елизавета Ильинична. Вы по поводу Миши?

— Да.

— Его убили. Я знаю.

— Кто мог убить?

Она покачала головой.

— Миша никому не мешал. Он был тихий, всё время в архивах, в книгах. Но последнее время... он боялся.

— Чего?

— Не говорил. Только просил, чтобы я никуда не выходила одна. И лишнего не болтала.

— Он упоминал имя Забелина?

Женщина нахмурилась.

— Елена? Да, он с ней работал. Но она... нормальная женщина. Строгая, но нормальная.

— Вы знаете, где он прятал свои дневники?

Елизавета Ильинична встала, подошла к стенному шкафу. Открыла дверцу, вытащила стопку тетрадей, перевязанных бечёвкой.

— Вот. Он сказал — если со мной что случится, отдайте человеку из НКВД. И показал вашу фотографию.

— Откуда она у него?

— Не знаю. Может, через общих знакомых.

Алексей принял тетради. Полистал — аккуратный почерк, даты, описи. Имена, фамилии, названия предметов.

В одной из тетрадей — закладка. Страница, где карандашом обведено имя: «Шапкин — связной».

— Спасибо, — сказал Алексей. — Вы много помогли.

— Я ничего не помогла, — тихо ответила вдова. — Мишу это не вернёт.

Она заплакала. Беззвучно, уткнувшись в ладони.

Алексей хотел что-то сказать, но не нашёл слов. Положил тетради в полевую сумку и вышел.

На лестнице он остановился, прислонился лбом к холодной стене.

Вдова права. Дневники не вернут мужа. Но они могут помочь найти того, кто его убил.

А это уже что-то.

Глава 5. «Дневник вдо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.